

СМЕНА НАУЧНЫХ КАРТИН МИРА

И СОЦИОЛОГИЯ

ГРИГОРЬЕВ Святослав Иванович - член-корреспондент РАО, доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета Алтайского государственного университета, г. Барнаул.

Результирующей критики всех прежних научных картин мира является вывод о том, что наука к исходу XX в., несмотря на огромные достижения, оказалась неспособной к решению стратегических задач развития общества и человека, эволюции их жизненных сил. И не потому только, что ей не хватает аргументов, способности решать актуальные проблемы. Наука настолько хорошо приспособилась к сложившемуся порядку жизни, типу господствующей социальной культуры, уравнивая истину с получением пользы, что вывести ее из этого состояния можно лишь нарушив классический характер общественного развития, классическую социологию [1,2, 3], традиционно сложившийся и развивающийся социальный интеллект.

На индивидуально-личностном, социально-психологическом уровне эта доминирующая тенденция оказалась закрепленной рядом типичных смысложизненных ориентаций, представлений о справедливом и несправедливом, характерных именно для классической истории, классического общественного интеллекта, ориентирующегося на такие механизмы, как индустриализм, рационализм, индивидуализм, экономизм, демократия, ставящие главной целью удовлетворение потребностей выживания, обогащения, наслаждения, обеспечения прав личности, индивида на свободное развитие. Вехой этой классической философии и социологии жизни стало признание приоритета прав личности над всеми иными жизненными ценностями общества и человека [4, 5, 6]. Такая позиция все более обстоятельно критикуется с точки зрения нового, неклассического видения истории. Имеются веские аргументы, обстоятельные теоретические доказательства того, например, что конец XX в. характеризуется новой сменой научной картины мира, формированием адекватного ей доминирующего способа познания, в том числе в сфере социологии.

В системе научного знания нового времени наибольшее влияние и признание имели по крайней мере пять доминирующих научных картин мира и способов его познания: *схоластическая* (можно говорить и о мифологической картине мира как исторически первой), в рамках которой природа и общество трактуются как некий шифр, текст, поддающийся (или нет) прочтению, расшифровке, пониманию; *механистическая*, в пределах которой природа и общество характеризуются как механизм, машина, все детали которой выполняют строго предназначенные для них, характерные функции; *статистическая*, в соответствии с которой общество и природа мыслятся как баланс, равнодействующая различных сил (природных, культурных, экономических, политических, социально-бытовых, общественных и лично-индивидуальных, групповых); *системная*, где природа и общество характеризуются главным образом как организованные системы, подсистемы, состоящие из элементов, способных к изменению, но обеспечивающих целостность и жизнестойкость как подсистем, так и больших систем; *диатропическая* картина мира и способ познания, в рамках которых реаль-

ность трактуется как ярмарка, сад, где возникающие флуктуации, объединения сил, образующие ряды тропов, признаков сущего, позволяют видеть мир многомерно, полицентрично, изменчиво.

На стыке системной и диатропической картин мира, соответствующих им способов познания активно развивается *синергетика*, синергетическое видение мира, технологии его синергетического осмысления. Как и диатропика, синергетика объединяет многое из западной и восточной социокультурной традиций. Данное обстоятельство нам видится как один из решающих факторов, стимулирующих переход истории из ее классического этапа в неклассический (постклассический), классической социологии в неклассическую.

Ключевой идеей, принципом, способствующим этому, является целостное осмысление единства человека, общества и природы, материального и духовного, характеристика человека как развивающегося и функционирующего биопсихосоциального существа. При этом ни диатропика, ни синергетика не отрицают собой предшествующие картины мира и способы познания, но скорее выступают их продолжением, дополнением, объединением. Для них по-своему значимо и то, что Г. Галилей, И. Кеплер видели мир как текст, шифр, книгу, и то, что И. Ньютон рассматривал его как часы, сложную машину, и то, что Ч. Дарвин понимал мир как баланс, равнодействующую случайностей, среди которых природа по праву сильного производит соответствующий отбор, и то, что В.И. Вернадский характеризовал мир как организм, и то, что Лейбниц был склонен фактически оперировать всеми известными истории науки моделями мира и способами его познания.

Акцентируя внимание на диатропике и синергетике, мы исходим из того, что сегодня они находятся в фокусе внимания научной общественности и воздействуют на использование, модернизацию классических социологических парадигм, возникновение и развитие неклассической социологии, контекст их сосуществования, взаимодействия в современном научном знании. При этом мы опираемся не только на собственное научное понимание социогенетики, развития жизненных сил человека, но и на те заделы, что уже имеются в отечественной литературе [5, 6, 7]. Обобщение и анализ этой литературы, логика нашего осмысления данного круга вопросов позволяет сделать вывод о том, что диатропическая модель познания мира, его соответствующая научная картина концентрируют внимание на общих свойствах разнообразий независимо от природы элементов, образующих множества таких элементов. Ключевым понятием диатропики является "ряд", подобно тому, как для опытных, "наблюдательных" научных дисциплин таковым является факт, в том числе и социальный факт. И подобно тому, что факт не имеет смысла вне объясняющей его схемы, теоретической конструкции, и ряд немислим для диатропики без сопоставления с другим рядом, без его интерпретации с точки зрения роли, специфики объединения каждой совокупности рядов. При этом ряды для сопоставления могут быть взяты из далеких областей знания.

Сопоставление рядов - первичная, элементарная операция диатропики. Причем ряд вовсе не обязательно должен быть целостной системой. Он может быть просто известной общностью, упорядоченностью самых разнородных элементов изучаемого множества. Это позволяет анализировать максимально широкий спектр явлений, касающихся изучаемого явления природы, общества и человека, их жизненных сил, характера бытия. На основании сопоставления рядов можно выделить архетип - обобщенный образ изучаемого объекта, сочетающий характеристики внутренней логики, генезиса и развития и показатели, характеризующие специфику функционирования и развития во взаимодействии со средой существования, внешним миром. В этом смысле популярная в последние годы синергетика отражает скорее все-таки особенности диатропической познавательной модели, соответствующей ей картины мира, чем системной, хотя и сохраняет с ней весьма существенные связи.

Диатропика позволяет по-новому подойти к решению и самых разнообразных прикладных задач, проблем практики. Например, она вполне реально, практически

может переориентировать на новую стратегию развитие экономики. Общеизвестно, что экономика до сегодняшнего дня носила и носит по преимуществу механистический характер, организована механистически (прямое воздействие на природу с целью получения прибыли, удовлетворения материальных потребностей), а также во многом статистически, ибо ориентируется на поиск равновесия через рынок или хозяйственное планирование, учитывающие равнодействующие балансы сил хозяйствующих субъектов. Между тем социальная жизнь второй половины XX в. вполне определенно поставила задачу согласования самых разнообразных форм хозяйствования, собственно, новых материальных и моральных факторов стимулирования труда, взаимовлияния природных и социокультурных факторов производства, экономики в целом. В особенности это относится к ресурсам и целям производственно-экономической деятельности, ее издержкам.

В социально-политической сфере традиционно задачи развития, функционирования общества, его взаимодействия с природой тоже решались преимущественно механистически. Например, ставились цели революционной ломки системы политического управления, ликвидации так называемых "эксплуататорских классов", священнослужителей, защищавших монархию и православие в России, буржуазной интеллигенции как "вредных насекомых" (В.И. Ленин). Более того, уже в наше время в России, как "правые", так и "левые" очень часто демонстрируют стремление к ликвидации, устранения друг друга с арены политической жизни. Не лучшим образом действуют и другие политические силы.

Между тем необходимость прогрессивной эволюции, оптимального функционирования российского общества, как и любого другого, в современных условиях требует диатропического видения ситуации, согласования интересов, потенциалов различных социальных и политических сил, общественных групп: от рядовых трудящихся до "аппаратчиков" и предпринимателей, от русских, других коренных народов России до национальных меньшинств, имеющих за пределами нашей страны свои национально-государственные образования. Особым образом, но в принципе в этом контексте развития складывается ситуация и в других странах.

Существенно важно и то, что диатропика позволяет в формировании современной научной картины мира в главном преодолеть противопоставление восточной и западной социокультурных традиций, соответствующих им мировоззрений. Она дает возможность социальным наукам, формирующимся в русле неклассического (постклассического) обществознания и человековедения преодолеть доминирование западной социологии, психологии, культурологии, педагогики, социальной философии, ввести в научный оборот богатейшие источники культуры Востока, традиции социальной мысли России как оригинального евразийского национально-государственного, культурно-национального образования [1, 5, 8].

С учетом достижений мировой науки в ее западных и восточных традициях и прежде всего возрождения отечественных идей антропокосмизма, соборности культуры можно сказать, что в России на рубеже XX-XXI вв. возникла особая ситуация, уникальная по возможностям прорыва в знаниях о природе и обществе, человековедении, в их использовании для решения проблем развития и социальной защиты жизненных сил человека [см. 1, 5, 9]. Эвристический и социально-технологический, социоинженерный потенциал такой ситуации усиливается широким распространением в России социологической литературы самых разнообразных направлений, парадигм социального мышления, прежде всего — из западных стран. Эта экспансия социальных идей Запада отчасти уравнивается переизданием классических работ по русской философии и социологии, а также трудов ученых Японии, Индии, Китая. Благоприятную роль в этом направлении играют работы тех крупных социологов и социальных философов Запада (А. Печчеи, Э. Тоффлер, Дж. Несбит, П. Эбурдин, Б. Бейн, А. Турен и др.), кто, анализируя глобальные проблемы современности, связывает их с национально-культурной, социально-экологической спецификой жизни современных народов, эволюцией их жизненных сил. На мой взгляд, Россия в плане раз-

вития современного социального мышления, культуры в целом представляет сегодня арену противостояния различных классических картин мира и социологических парадигм, формирования неклассической социологии, которая рождается тоже не как монолит единообразного социального мышления, но как совокупность новых социологических концепций, на основе которых может развиваться полноценное полипарадигмальное социологическое мышление, адекватное эпохе неклассической истории.

Прежде чем обозначить некоторые из возникших в этом направлении тенденций, отметим очевидную, хотя и не прямую, не линейную, но стратегически важную и показательную связь господствующих научных картин мира, способов его познания, с одной стороны, и разнообразия классических социологических парадигм, - с другой. Эта проблематика обозначена во многих трудах зарубежных (Н. Луман, А. Турен, Р. Арон, И. Валлерстайн и др.) и отечественных (И.В. Бестужев-Лада, Ю.Н. Давыдов, В.Г. Немировский, А.О. Бороноев и др.) авторов. Однако в полном объеме она не раскрыта, хотя и является наиболее значимой в контексте становления неклассической социологии. Именно здесь можно уяснить, как и какие задаются алгоритмы анализа общества, формы знания в каждой из сосуществующих классических социологических парадигм.

Если рассматривать вторую половину XX в., то наиболее очевидна связь системной научной картины мира, характерного для нее способа познания с системной социологией. В США это социологическое направление последовательно защищал и защищает И. Валлерстайн, не избежавший влияния и других парадигм, в особенности - марксистской [см. 10, 11].

Вполне очевидна известная зависимость от механистической и статистической картин мира социологического функционализма и структурно-функционального анализа, а также первых этапов развития ряда направлений позитивистской социологии. Так, например, Р. Мертон, считающийся одним из основоположников функционализма, в характеристике различных видов целесообразной человеческой деятельности, функций социальных организаций, общественных институтов во многом шел именно от механистического и статистического понимания мира [см. 12]. Конечно, развитие науки, социального знания во второй период исследовательской деятельности Р. Мертона, его знакомство с творчеством П. Сорокина обусловили определенный "дрейф" методологической базы функционализма в сторону системной картины мира. Это же можно сказать и о Т. Парсонсе, родоначальнике структурно-функционального анализа в социологии [см. 13].

Более того, как нам представляется, развитие функционализма и структурно-функционального анализа в социологии стимулировало эволюцию системных представлений о мире, в известном смысле формировало основания для распространения системной модели познания мира, соответствующей научной картины, по крайней мере в социокультурном контексте. Можно говорить о том, что системная социология во многом "стоит на плечах" социологического функционализма и структурно-функционального анализа. Доказательством тому, в частности, могут служить характеристики целостности и жизнестойкости социальных систем в зависимости от их элементов (структур), выполняющих те или иные функции. Само определение системы как совокупности элементов, функции которых обеспечивают целостность и жизнестойкость данной системы, говорит в этом смысле само за себя.

Зависимость больших социологических теорий, социологических парадигм от научных картин мира и моделей его познания обнаруживает себя и в современных условиях, когда становящаяся новая картина мира стимулирует рождение нетрадиционных социологических концепций. В данном ключе следует назвать прежде всего социологию, социологическую концепцию жизненных сил человека, универсальную социологическую теорию [см. 1, 3, 5].

Характерен в этом плане пример с универсальной социологической теорией, развиваемой красноярским социологом В.Г. Немировским и его единомышленниками. Они прямо указывают на обусловленность рождающейся универсальной социологической

парадигмы не только восточной, русской социокультурной традицией, но и влиянием диатропической картины мира, ее познавательной моделью. Так, они утверждают: "Диатропическая познавательная модель позволяет подойти к решению самых разнообразных практических проблем... необходимость прогрессивной эволюции нашего общества требует диатропического согласования интересов различных социальных групп... остро ощущается потребность в разработке новых социологических парадигм, учитывающих особенности диатропики... Опираясь на достижения современной мировой науки, традиции русской социально-философской мысли, прежде всего антропокосмизма, можно выдвинуть принципиально новую социологическую парадигму - "универсумную" [см. 5, с. 42-43].

Логика развития современного социологического знания нам видится не только в борьбе различных школ, но в трех основных типах ее изменения [см. 14, с. 5-11, 189—198]. Значительную часть таких изменений составляет естественная эволюция, саморазвитие классических социологических парадигм, их использование в пределах определенных теоретических построений и прикладных исследовательских стратегий. Еще один тип изменений - реформирование, трансформация практики, их экспериментального, прикладного и теоретического использования. К третьему типу изменений мы относим возникновение новых социологических теорий, обладающих парадигмальным статусом, либо тяготеющих к его оформлению. При этом не исключается, что новые большие социологические теории могут возникать и в пределах "старых" научных картин мира и способов его познания. Однако более вероятно и показательно иное - формирование новых социологических теорий, опирающихся на современную научную картину мира, ее эволюционные и революционные изменения [см. 14].

В контексте определения важных детерминант развития современной социологии мы учитываем и такую группировку условий и факторов, как: а) объективные потребности социальной жизни, проблемы социального развития общества; б) саморазвитие, взаимовлияние различных систем социологического знания, парадигм социологии как науки, опирающейся на понятийно-категориальный аппарат, определенные принципы, методы анализа; в) субъективные творческие результаты деятельности выдающихся социологов, специалистов в области социального знания. Названные факторы и условия испытывают взаимовлияние различных наук о человеке и обществе, а также социогуманитарного и естественнонаучного знания.

Не менее важным нам представляется отметить и те противостоящие тенденции в развитии мировой социологии, о которых сейчас уже пишут многие авторы. В частности, авторский коллектив многотомной "Истории теоретической социологии" и пособия для гуманитарных вузов "Очерки по истории теоретической социологии XX столетия" под научным руководством Ю.Н. Давыдова констатирует как принципиально значимые следующие из них: социологический реализм и социологический номинализм, эволюционизм - функционализм, позитивизм - антипозитивизм, кризисное - стабилизационное социологическое мышление, "правое" и "левое" социологическое знание как часть общественного сознания, делимого традиционно на право- и левоориентированное, теоретическая и прикладная социология и др. [см. 15, 16, 17].

Доминирование или равновесие таких встречающихся, противоречащих друг другу тенденций, как и в целом сосуществование, взаимодействие различных социологических парадигм, их известное противостояние в классической социологии было и остается важным условием саморазвития социологического знания, расширения его возможностей в исследовании общества. Вместе с тем постоянно сохраняется и еще одно противостояние в развитии социологии - ориентаций, с одной стороны, на монизм, логическую непротиворечивость социального знания, а с другой - на полипарадигмальность, неизбежность сосуществования различных больших социологических теорий. Все более широкое распространение получает и понимание того, что различные социологические парадигмы на различной социокультурной основе могут интерпретироваться и применяться по-разному. Не случайно многие сегодня пытаются выявить эффективность различных парадигм в разных странах, специфику использования

полипарадигмальности социологии в разных национально-государственных условиях, в том числе и в России [см. 1, 2, 5, 18]. В главном эти попытки сводятся к выявлению социально-эвристических возможностей современного социологического знания, его способности объяснить и прогнозировать происходящее в глобальном и локальном измерении современного общества.

Как уже отмечалось, вторая половина XX в. в истории социологии отмечена нарастающей критикой классических социологических парадигм, остротой их противостояния, поиском преодоления ограниченности классической социологии. При этом, разумеется, нельзя не видеть и того, что социология продолжала "работать", развиваться, распространять свое влияние на различные регионы мира [см. 5, 14, 19]. Тем не менее мощным стимулятором критики классической социологии стали, как известно, разработки, осуществленные под эгидой "Римского клуба" [см. 2, 6, 8 и др.], а также ряда футурологических трудов в русле поисков Э. Тоффлера, П. Эбурдин, Дж. Несбита и др.

По мнению французского социолога А. Турена, классическая социология преимущественно создавалась как идеология современности, отражение актуальной реальности. В длительное время доминировавшей позитивистской традиции она часто служила оправданием действий просвещенных военных или (и) гражданских правителей по общеизвестному примеру Бразилии, Турции, Чили и др. Она также выступала отражением возрастающей роли новых социальных слоев. Во Франции, например, начиная с Э. Дюркгейма, было много сделано для сближения социологии и социализма, социологического знания и социального просвещения рабочих, служащих, интеллигенции. Однако чаще всего, полагают А. Турен и его единомышленники, она (социология) была идеологией центра, общественной интеграции, идентификации национально-культурного сообщества с современностью. Именно поэтому она полустихийно отождествлялась с наукой об обществе, в чем особенно преуспел Т. Парсонс как родоначальник структурно-функционального анализа. При этом тождество порядка (структуры) и движения (функции), модернизации и социальной организации не ставились под сомнение, принимались как объективная данность [19, с. 12-13].

Между тем оставалось и остается непонятным то, каким образом целое (общество), находясь в непрерывном движении, прогрессивных (и регрессивных) изменениях, может представлять одновременно стабильную, интегрированную систему, способную поддерживать свои основные взаимодействия, отношения равновесия и внутреннюю организацию, наделенную чаще достаточно эффективными механизмами регуляции? Классическая социология, полагают А. Турен и многие другие известные европейские социологи, не может ответить на этот вопрос. При этом идея коллективного сознания больше запутывает проблему, чем решает ее. Обнаруживается разорванность понятийного аппарата, описывающего структурные и деятельностные, функциональные составляющие общества, его зависимость от естественных основ личностно-индивидуальной, групповой и общественной жизни.

Европейская и североамериканская классическая социология, каким является социологическое знание развитых индустриальных стран XX в., изучает главным образом смешанные системы, одновременно экономические, политические, социально-бытовые и духовно-культурные. При этом социологические теории, как мы уже отмечали, чаще играли и играют роль идеологий государственно-национального объединения. Например, парсоновская социология, как одна из наиболее значительных парадигм современной классической социологии, была прежде всего зеркалом США как наиболее могущественного государства. По такому же пути пошла возрождавшаяся с 1950-х годов социология в СССР. Так случилось и потому, что это был тоже процесс социально-идеологического оправдания советского строя, и потому, что наиболее массовыми заимствованиями советских социологов (А. Ядов, Т.Заславская, Р. Рывкина, А. Здравомыслов и др.) 1960-70 гг. были именно заимствования из британской и американской социологии, где господствовал структурно-функциональный анализ Т. Парсонса [см. 20, с. 19-42, 64-82, 156-175].

Классическая социология в различных системах ее парадигмального построения в XX в. по существу потеряла субъекта социального действия, человека как биопсихосоциальное существо, действующее в определенном жизненном пространстве. Действующие лица в классической социологии рассматриваются преимущественно с точки зрения того, помогают ли они прогрессу, социальному развитию или противятся ему, выступают как антиобщественные силы. А. Турен в этой связи справедливо критикует Никоса Пулантзаса, который довел до крайности эту традиционную точку зрения, потребовав полного отделения социальных ситуаций и действующих лиц. Связанная с этой концепцией историография, преодолев, в свою очередь, идею цивилизации, то есть естественной истории ансамблей общественной эволюции, придала центральное значение идее прогресса, формирования современного общества и национальных государств с их актуальной социальной проблематикой. Причем важно отметить и то, что она постепенно перешла от романтического восхваления прогрессивного развития современного общества, где еще находилось место вере в творческие силы индивидов, их сообществ, наций, к менее динамичному видению, согласно которому соотношение политических сил и культурных процессов, соответствующих представлений определяются состоянием инфраструктуры общества.

Таким образом, марксистская социология, функционализм и структурно-функциональный анализ оказались в фокусе серьезной критики, в ситуации явного кризиса. Они, как и многие другие классические социологические парадигмы, по преимуществу продолжают опираться на три ключевых принципа: принцип слияния определенного типа общества и "смысла истории" в характеристике современного общества; принцип отождествления социальной системы с национально-государственным устройством, обществом в рамках государства, в силу чего приобретает центральное, ключевое значение понятие социального института; принцип замены действующих лиц данного общества статистическими ансамблями, системами относительно равновесного взаимодействия общественных образований, обуславливаемых уровнем и формой социального участия, а также знаками внутренней логики функционирования общественной системы. При этом центральной идеей в классической социологии была идея соответствия между институционализацией ценностей и социализацией действующих лиц, субъектов социальной жизни. Она так или иначе цементировала системы понятий во всех классических парадигмах.

Между тем эти основания классической социологии на Западе были серьезно разрушены еще в первой половине XX в. Это произошло, конечно, отчасти в результате интеллектуальной и теоретико-методологической критики. Однако главными их разрушителями, очевидно, все-таки стали исторические перемены, события и процессы, характерные для этого времени (в Европе - прежде всего). Европа постепенно перестала верить в идею модернизации и рационализации современного общества вследствие Великого Кризиса, фашизма в Германии, распространения концентрационных лагерей в СССР и Европе вопреки социальным идеалам демократии и справедливости, идеям социализма. Немаловажно и то, что история XX в. дала основания для вывода о невозможности, ошибочности смешения, отождествления социальной системы и государства. В это время исчезает традиционный фетиш государственной власти, социально контролируемой и контролирующей социум, свершились национально-освободительные революции, социальные революции во многих странах мира, возникли новые авторитарные государства и индустриалистские общества. В эти годы классическая социология утрачивает доверие к фигуре действующего лица в качестве исторического персонажа. Ключевую роль начинают играть политические режимы, субъекты политической власти. При этом явно слабеет роль пролетариата, буржуазии, национально-этнических групп, наций. Они все более сильно начинают зависеть от политических структур власти, от международных организаций финансистов и политиков.

На волне таких изменений возникла сильная критическая струя классической социологии. Она выявила за социальным порядком - насилие, силу, за консенсусом - сговор

и репрессии, открыла в рациональной модернизации иррациональность, в формулировках общих принципов справедливости - частный эгоистический интерес. Угнетенные классы и слои, колонизованные нации, недовольные цензурой люди творчества, заклеенные как маргиналы и диссиденты с аномальным поведением, отбросили претензии нового общества на универсализм и установление свободы и справедливости. В результате развилась не столько другая социология, сколько антисоциология, разрушающая классические постулаты.

В рамках таких изменений в социологическом знании произошло отделение социальной системы от действующего лица. Система стала пониматься как совокупность правил и принуждений, которые действующее лицо должно научиться скорее использовать или обходить, чем уважать и совершенствовать. Со своей стороны, индивид не стал уже пониматься как гражданин и трудящийся, но как член первичных общностей, связанных с культурной традицией (субкультурой, маскультурой, национальной культурой и др.). Кроме того, что особенно важно, оказались разделенными нормы функционирования общества и его эволюция, историческое развитие. Историческое изменение перестало определяться как прогресс или модернизация. Оно стало характеризоваться как совокупность стратегий, стремящихся оптимизировать употребление ограниченных ресурсов и контролировать зоны неопределенности. От такой трансформации содержания социологического и социально-исторического знания один шаг до постановки вопроса об управляемой социоприродной эволюции, учитывающей баланс жизненных сил человека и его жизненного пространства. Но этого шага классическая социология первой половины и середины XX в. ни в ее конструктивной, ни в критической составляющей не делает.

Кризисное развитие-разрушение классической социологии, как минимум, имеет две группы следствий. Во-первых, финализм, ориентированность на некую законченность представлений об обществе, его справедливом устройстве, функционировании и развитии уступает место более глубокому и разностороннему научному анализу общественных отношений. На развалинах взаимодействовавших длительное время эволюционизма и функционализма вырастает новый анализ культуры, хозяйственной деятельности, общественных систем, который исключает всякое обращение к природе, типологии общества, а также к поискам смысла истории. В этом плане общество перестает быть объектом социологии, которая переключает свое внимание на изучение специфики общественных отношений, взаимодействий, поведения людей. Во-вторых, ориентацию на общий отказ от идеи социального действия и стремление к прямому применению в анализе современных обществ понятий, заимствованных из естественных наук, из анализа более простых, чем социальные системы, объектов естествознания (растений, животных, неживой природы). Ограниченность такого рода подходов в европейской социологии осмыслена и зафиксирована. Об этом говорят Э. Морен и А. Турен [см. 19, с. 16-17].

В отечественной социологии свидетельством наличия данного явления в категориальных системах различных парадигм, в их пограничных зонах является широкое употребление понятий из социобиологии и биосоциологии, валеологии, медицины. Например, довольно часто используются понятия "социальное здоровье", "социальная терапия", "социальная энергия", "социальные болезни", "социальная диагностика" и пр. В этом мы усматриваем, кроме отмеченного обстоятельства, еще и то, что такого рода явления в современном социологическом знании выступают значимыми свидетельствами внутрипарадигмальной категориальной недостаточности. В рамках каждой из классических социологических парадигм с изменением объекта исследования, с их саморазвитием обнаруживается отсутствие понятий, которыми можно было бы описать новые явления, заполнить возникшие категориальные пустоты. Во второй половине XX в. данные процессы стали весьма распространёнными, размывая фундамент традиционных, классических представлений об обществе, культуре и т.п.

В этой связи можно по существу во многом согласиться с категоричным выводом А. Турена о том, что "социология в точном смысле больше не существует: классиче-

ская социология разрушена, а чисто критическая социология может разрушиться очень скоро... История как конкретное изучение конкретных ансамблей растягивается на настоящее. Политическая наука, следуя рекомендациями Ханны Аренд, освобождается от социологии. Последняя, будучи лишена интеллектуального определения, погружается в незначительные описательные работы или в бессмыслицу корпоративизма" [см. 19, с. 17].

В отечественной социологической теории до недавнего времени не было столь острого ощущения недостаточности классической социологии. Отчасти это объясняется известным доминированием марксистской социологии, ориентированной у нас на модернизацию, эволюционное развитие и критику всего остального социального знания как ошибочного. Отчасти такая ситуация в России обусловлена массовым (в рамках социологического сообщества и профессионального социального образования) освоением новой зарубежной и отечественной литературы, недоступной еще совсем недавно для читателя, специалиста в области человековедения и обществознания. В 90-е годы этот процесс стал десятилетием массового ученичества российских социологов и не позволил возникнуть широкому фронту теоретического переосмысления классической социологии.

В настоящее время ситуация и в эмпирической и в теоретической социологии России быстро меняется в лучшую сторону. И это порождает новый фронт и новое содержание эволюции социологического знания в стране, глубокое проникновение отечественных специалистов в переосмысление достоинств и недостатков классической социологии, формирование новой социологической культуры. По существу мы стоим на пороге прорыва российской (как и в целом - мировой) социологии в новые пределы, уже востребованные развитием неклассической истории, обусловленные формированием новой научной картины мира. Предчувствие этого прорыва явно обозначено в трудах отечественных [см. 2, 5, 7, 8] и зарубежных историков социологии, крупных специалистов в этой области обществознания [см. 10, 21, 22]. Есть нечто существенное, что определяет внутреннюю логику развития социологии. Наша задача - определить ее для неклассической социологии. И мы формулируем тезис: основанием внутренней линии развития неклассической социологии является социогенетика. Именно она позволяет понять единство организации и развития социума, роль в этом развитии человека, взаимозависимость его жизненных сил и жизненного пространства. Но это уже тема для отдельной статьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Субетто А.И. Социогенетика: системогенетика, общественный интеллект, образовательная генетика и мировое развитие. М., 1994.
2. Кравченко С.А., Мнацаканян М.О., Покровский Н.Е. Социология: парадигмы и темы. М., 1997.
3. Григорьев СИ., Демина Л.Д., Ростов Ю.Е. Жизненные силы человека. Барнаул, 1996.
4. Современная картина мира: формирование новой парадигмы / Ред. Э.А. Азроянц, В.И. Самохвалова. М., 1997.
5. Немировский ВТ., Невирко Д.Д. Теоретическая социология: нетрадиционные подходы. Красноярск, 1988.
6. Ячин СЕ. Феноменология сознательной жизни. Владивосток, 1992.
7. Бестужев-Лада И.В. Альтернативная цивилизация. М, 1998.
8. Григорьев СИ., Ростов Ю.Е. Начала современной социологии: Учебное пособие для гуманитар. факультетов вузов. М., 1999.
9. Казначеев В.П. Проблемы человековедения. М., 1997.
10. Валлерстайн И. Анализ мировых систем: современное системное видение мирового сообщества // Социология на пороге XXI века: новые направления развития / Ред. СИ. Григорьев, Ж. Коэнен-Хуттер. М., 1999.
11. Фельдхофф Ю. Системная рационализация и процесс труда // Проблемы теоретической социологии / Ред. А.О. Бороноев. Санкт-Петербург, 1994.
12. Merlon R. Social theory and social structure. N.Y., 1957.
13. Parsons T. Action theory and the human condition. N.Y., 1978.

14. Социология на пороге XXI века: новые направления развития / Ред. *С.И. Григорьев, Ж. Коэн-Хуттер*. М., 1998.
15. Очерки по истории теоретической социологии XX столетия: Пособие для гуманитарных вузов / Ред. *Ю.Н. Давыдов*. М., 1994.
16. История теоретической социологии. В 5-ти тт. М, 1999.
17. Проблемы теоретической социологии / Ред. *А.О. Бороноев*.. Вып. 1-2. Санкт-Петербург, 1994-1998.
18. *Луман Н.* Понятие общества // Проблемы теоретической социологии. Санкт-Петербург, 1994.
19. *Турен А.* Возвращение человека действующего. М., 1998.
20. Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / Ред. *Г.С. Батыгин*. Санкт-Петербург, 1999.
21. *Монсон П.* Современная западная социология: теории, традиции, перспективы. Санкт-Петербург. 1992.
22. *Арон Р.* Этапы развития социологической мысли. М., 1993.